

Е. А. Беспалова

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ТЕРМИНАМИ
ПРЯМОГО РОДСТВА В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Поступила в редакцию 18.02.2023 г.

Принята к публикации 10.07.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2024-2-2

18

Для цитирования: Беспалова Е. А. Семантика фразеологизмов с терминами прямого родства в современных медиатекстах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2024. №2. С. 18 – 32. doi: 10.5922/pikbfu-2024-2-2.

Особенности употребления в медиатекстах фразеологических единиц, включающих в свой состав компоненты – родственные наименования, анализируются с целью выявления взаимосвязи семантики термина родства и целостного фразеологического значения, а также описания возможных семантических сдвигов в понимании фразеологизмов данной группы носителями современного русского языка. Эмпирической базой исследования служат материалы газетного корпуса Национального корпуса русского языка. Автор исходит из широкого понимания фразеологии, включая в предмет рассмотрения фразеологические выражения и устойчивые наименования. В исследовании применяются методы сплошной выборки, наблюдения, лексикографического, лексико-семантического и контекстуального анализа, систематизации и классификации языкового материала.

Показано, что современная медиаречь раскрывает семантический потенциал фразеологизмов с терминами родства, позволяет эксплицировать заложенные в них культурные смыслы, демонстрирует некоторые тенденции в их употреблении, в том числе индивидуальное понимание таких единиц носителями языка. Сопоставление словарных дефиниций и контекстов употребления позволило выделить четыре типа связи значения родственного наименования с целостным фразеологическим значением: сохранение семантики кровного родства в значении фразеологизма; обусловленность фразеологической семантики переносным значением компонента; приращение смысла устойчивого сочетания; развитие образного фразеологического значения, в котором напрямую не отражается семантика родства. Выявлена тенденция превалирования в медиатекстах фразеологизмов с компонентами прямого родства по мужской линии.

Ключевые слова: фразеологическая единица, термины родства, фразеологическое значение, семантика, медиатекст

Введение

Обозначения родства в любом языке, в том числе русском, относятся к древнейшей лексической группе, отражая «специфику национального пути, своеобразие языка... характеризуют и менталитет» [4, с. 29].

Родство представляет собой кровную связь, которая существует «между людьми, происходящими друг от друга или от одного общего предка» [7, с. 22].

На основе родственных связей выстраиваются ролевые отношения в семье, с течением времени претерпевающие изменения — от господствующей роли женщины через лидирующее положение мужчины к современному способу ведения хозяйства на равных. Терминология родства именует «подсистемы, выражающие разноуровневую систему ролей в социосфере» [16, с. 115].

Наименования родства входят в состав большого количества фразеологических оборотов, которые выступают важным элементом когнитивной базы современных носителей языка [1, с. 29], отражая представления о родственной иерархии и ролевых моделях в семье, что обуславливает актуальность изучения таких единиц с целью аккумуляции данных о механизмах оперирования культурными смыслами.

Фразеологические единицы (далее — ФЕ) способны сохранять семантику родства, заложенную в их опорном компоненте. В другом случае развивается оторванное от термина родства значение на основе метафор и аллюзий [20, р. 321], составляющих образное основание оборота. Анализ контекстов употребления ФЕ в современной медиаречи дает возможность проследить способы актуализации значений устойчивых сочетаний, их связь с семантикой родства, содержащейся в родственных наименованиях. Контекст раскрывает семантический потенциал, заложенный в образе фразеологизма, позволяет «выдвигать на передний план различную информацию, которая отражает периферию лексического значения» [14, с. 141].

Эмпирическим материалом исследования послужили тексты, входящие в газетный корпус Национального корпуса русского языка, — публикации российских СМИ за три последних десятилетия [5].

Цель данной работы — описать и уточнить семантику фразеологических единиц с компонентами — терминами родства, развивающуюся в процессе их употребления в современных медиатекстах.

Для многих обозначений родства характерна полисемия, «выводящая» такие языковые единицы «за рамки лексико-семантической группы названий терминов отношений» [6, с. 15]. Употребление родственных наименований в переносном значении «при метафоризации и вхождении в состав фразеологических единиц... создает новые возможности семантического развития данных наименований» [9, с. 128]. Становясь компонентом ФЕ, такой элемент вносит во фразеологическое значение сему, изначально не связанную с кровным родством: так, одно из значений многозначного слова *отец* — обозначение лиц духовного звания, что напрямую отражается в значении устойчивых сочетаний, называющих таких лиц (*духовный отец*, *крестный отец*); другое значение лексемы *отец* 'предшествующее поколение, предки' [13] также выражено в значениях оборотов *отцы и деды*, *отцы и дети*.

Значение ФЕ с наименованиями прямого родства рассмотрим на примере тех оборотов, которые встречаются в современных медиатекстах (некоторые ФЕ, входящие во фразеологические словари, в газетном корпусе не отмечены, то есть выходят из активного запаса языка, поэтому не

являются предметом рассмотрения: *вражий сын, курицын сын, сын натуры, сын природы, сын эскулапа, хамов сын, сударь-батюшка, Евина внучка [дочка]* и др. Помимо этого, не рассматриваются подробно ФЕ, употребление которых в газетных текстах не требует пояснения, так как не отличается от общепринятого: *отец небесный, сын человеческий, сыны Израилевы, духовная дочь, маменькина дочка, к чертовой матери.*

Результаты и обсуждение

От терминов прямого родства (*отец, мать, сын, дочь, дед, бабушка, прадед*) образовано значительное количество ФЕ, при этом семантика обозначения родства в структуре целостного значения устойчивого сочетания меняется. Такие ФЕ могут быть проанализированы в составе соотносительных пар, то есть оппозиций по признаку пола на уровне одного поколения.

Термины родства соотносительной пары «отец – мать» выступают опорными компонентами значительного количества фразеологических оборотов.

Компонент *отец* является многозначным, сема кровного родства отражена только в его 1-м значении: 'мужчина по отношению к своим детям' (в этом же значении употребляется синонимичный компонент *папа*); кроме этого, в значениях фразеологических оборотов отражаются значения 'предшествующее поколение, предки'; 'родоначальник, основоположник чего-л.'; обозначение лиц духовного звания [13]. Он входит в состав ФЕ *крестный отец, отец семейства, святой отец, духовный отец, отец небесный, воскресный папа*. Наиболее частотен из них оборот *крестный отец*, отмеченный в газетном корпусе свыше 1100 раз.

ФЕ *крестный отец* '1) восприемник по отношению к крестимому; 2) духовный наставник кого-либо' [17, с. 419] отражает отношения духовного родства, которое на Руси «считалось даже сильнее кровного» [10]. К этой же сфере относятся и ФЕ *святой отец, духовный отец, отец небесный*.

В первом значении ФЕ употребляется в медиатекстах в основном в контекстах, где речь идет о крестных отцах детей высокопоставленных лиц и знаменитостей: «Актер... стал крестным отцом маленькой девочки» (NEWSru.com, 2020.09).

В медиаречи встречаются контексты, в которых названные два значения связаны и дополнены семой 'человек, который ввел («крестил») в профессию, сферу деятельности; наставник': «крестный отец в кино» (Известия, 2017.11); «крестный отец Меркель, приведший ее в большую политику, Гельмут Коль» (Известия, 2018.01); «"крестный отец" на эстраде» (Парламентская газета, 2014.07); «крестный отец в театре» (Ведомости, 2011.08). Употребляется ФЕ и в значении 'покровитель': «Великого русского художника-мариниста, мецената... можно по праву считать крестным отцом Феодосии» (Парламентская газета, 2021.07).

Семантика выражения может меняться и более кардинально: так, в газетном корпусе находим множество примеров употребления ФЕ в значении 'основатель, создатель': «крестный отец теории аукционов» (Ведомости, 2020.10); «крестный отец панк-рока» (Известия, 2019.12); «крестный

отец атомной бомбы» (Парламентская газета, 2019.12); *«крестный отец русского интернета»* (Известия, 2017.07); *«крестный отец Каннского кинофестиваля»* (Известия, 2017.06); *«крестный отец геоэкономики»* (Ведомости, 2015.04); *«крестный отец экстази»* (Vesti.ru, 2014.06); *«крестный отец соула»* (Lenta.ru, 2012.10); *«крестный отец куклы Барби»* (Lenta.ru, 2011.07); *«крестный отец русского шансона»* (Коммерсант, 2003.12) и т. д.

Значительное влияние на бытование ФЕ оказало появление книги и фильма «Крестный отец», в которых так назван глава мафии; упоминания самого фильма многочисленны: *«посоветовал посмотреть “Крестного отца”»* (РИА Новости, 2019.03). При этом выражение оторвалось от исторической итальянской почвы (*«крестный отец сицилийской мафии»* (РИА Новости, 2017.06)) и используется по отношению к любым регионам: *«крестный отец Новгородской области»* (Коммерсант, 2013.03); *«крестный отец балканской табачной мафии»* (Коммерсант, 2008.05). Этимологическая связь с фильмом подчеркивается и буквализируется в контексте, связанном с кинематографом: *«Коппола... остается крестным отцом Голливуда»* (Коммерсант, 2011.08).

Употребление в медиаречи ФЕ *святой отец* подчеркивает тенденцию расширения значения оборота: *«распространившееся сейчас обращение к священникам “святой отец”»* (Красное Прикамье, 2016), что рассматривается РПЦ как неточность, поскольку так было принято назвать только святых: *«В воскресенье – память святых отцов Первого Вселенского Собора»* (Независимая газета, 1997.06). Однако значение 'наименование лица духовного звания, священнослужителя' [17, с. 419] закрепляется в словарях, что «узаконивает» его широкое распространение в светском обществе: *«подрались прихожанки, затем в потасовку включились и святые отцы»* (Vesti.ru, 2020.03).

ФЕ *духовный отец* встречается в газетном корпусе в стандартном фразеологическом значении 'священник, принимающий исповедь; духовник' [17, с. 419]: *«духовный отец Александр Мень»* (Vesti.ru, 2020.05). Но чаще наблюдаем трансформацию данного значения, граничащую с его буквализацией (*«Идеолог Б-кино... духовный отец Тарантино, Корман»* (Известия, 2001.06)), а также развитие значения 'идеолог, родоначальник': *«духовный отец перестройки... Яковлев»* (Коммерсант, 2008.04).

Активно используется в медиатекстах и устойчивое выражение *отец семейства* (в газетном корпусе выявлено около 400 контекстов), значение которого 'мужчина, имеющий семью, детей; глава семьи' [17, с. 419] во многом совпадает с прямым значением термина родства *отец*. Наиболее характерный прием в его употреблении — расширение компонентного состава ФЕ для конкретизации семантики: *«отец большого семейства»* (Известия, 2015.09); *«добропорядочный отец семейства»* (Известия, 2015.04); *«пьяный отец семейства»* (Vesti.ru, 2014.12); *«деспотичный отец семейства»* (Lenta.ru, 2013.08); *«многодетный отец замечательного семейства»* (Коммерсант, 2010.11); *«58-летний отец соседского семейства»* (Vesti.ru, 2009.07) (частотно употребление с указанием возраста); *«почтенный отец семейства»* (Аргументы и факты, 2005.03) (частотно с компонентом *почтенный*); *«отец кошачьего семейства»* (Известия, 2020.01) и др. Отмечаем и пример расширения семантики сочетания за счет развития метафоры, когда

речь идет о президенте и его министрах: «Президент оказался в положении отца семейства, который, видя чумазых детей, спрашивает себя: “Этих помыть или новых сделать?”» (Vesti.ru, 2013.05).

Разговорный синоним *отца* – *папа* – выступает опорным компонентом устойчивого сочетания *воскресный папа*, вероятно обязанного своим появлением названию советского фильма 1985 г. Часть контекстов его употребления в газетных текстах отсылают к данному фильму, однако большинство из них демонстрируют самостоятельное фразеологическое значение – ‘папа, который видится с ребенком по выходным’ («Владимир Семенович был хорошим и внимательным, хоть и “воскресным папой”» (Vesti.ru, 2020.07)), в том числе его буквализацию («Он был “воскресным” папой или “пятничным”?» (Аргументы и факты, 2005.07)).

От однокоренного к *отцу* компонента *праотец*, называющего родоначальника, образуется ФЕ *отправиться к праотцам*, встречающаяся в медиаречи. Ее образ соотносится «с представлением о встрече с предками как о продолжении семейных отношений после смерти» [18, с. 302] и служит ироническим обозначением смерти: «Захотелось, чтобы почти все они поскорее отправились к праотцам» (Vesti.ru, 2013.09).

Второй элемент оппозиции «отец – мать», относящейся к тематической группе кровного родства, – *мать* (и его дериваты *матушка* и *мамин*) – образует большее количество фразеологических оборотов среди отмеченных в медиатекстах, однако употребление данных ФЕ менее частотно по сравнению с ФЕ, образованными от компонента *отец*. К ним относятся устойчивые сочетания *в чем мать родила* (наиболее частотно – 75 вхождений в газетном корпусе), *показать кузькину мать*, *крестная мать*, *мать честная!*, *по матушке*, *твою мать*, *к чертовой матери*, *мать-сыра земля*, *впитать с молоком матери*, *держаться за мамину юбку*. Сам компонент *мать* многозначен, значение кровного родства людей отражено в прямом значении ‘женщина по отношению к рожденным ею детям’ [13].

ФЕ *в чем мать родила* встречается в медиатекстах при описании как человека («появиться в студии в чем мать родила она все же не решилась» (Vesti.ru, 2013.11)), так и целой страны, что расширяет узусное обозначение нагого или оставшегося без имущества человека до обобщенного значения ‘остаться ни с чем’ («Грезили, пока не остались в чем мать родила на евразийском континенте... Пока не спустили... что только можно было спустить: экономику, науку, культуру» (Известия, 2015.02)).

В значении выражения *показать кузькину мать* отражаются отрицательные коннотации, связанные с именем Кузьма, которое «в русских пословицах и поговорках имеет отрицательную характеристику. Кузьма злой, мстительный, драчливый» [2, с. 422]. Мать его «вела себя так, что на глаза ей лучше было не попадаться. Обещание устроить встречу с ней, показать ее разгневанной не сулило ничего хорошего» [15, с. 154]. В связи с этим уже после фразеологизации за грубо-просторечным выражением *показать кузькину мать* закрепилось значение угрозы, которое и отражается в медиатекстах: «Ее задача – выбить Иноземцева из зоны комфорта. Показать ему кузькину мать». (Коммерсант, 2020.07). При этом показательно, что во многих контекстах актуализируется прецедентная ситуация, связанная с выступлением Н. С. Хрущева на заседании Генеральной Ассам-

блеи ООН («стучал по трибуне кулаком и грозил показать Западу кузькину мать») (Vesti.ru, 2010.10) и последующими действиями в этом направлении («Никита Сергеевич показал европейцам “кузькину мать”, превысив их рекорд почти в два раза» (Парламентская газета, 2019.11) — о троллейбусной линии Ялта — Алушта). Отмечаем и пример буквализации выражения, связанный с создательницей мультфильма: «журналистам показали “кузькину мать” — кинорежиссера Аиду Зябликову, это она придумала доменка Кузю» (Vesti.ru, 2007.08).

В классификации фразеологических родственных номинаций ФЕ *крестная мать* (как и *крестный отец*) относится к группе «близкое некровное родство» [9, с. 130], здесь родство проявляется на духовном уровне. Помимо узусного употребления («Подруга жены и крестная мать старшего ребенка знала об их плане» (Lenta.ru, 2020.07)), в медиаречи находим несколько вариантов трансформации значения выражения. (1) В его употреблении отражается традиция крещения судна, участвовать в которой с начала XIX в. в Европе и Америке начали знаменитые женщины — *крестные матери* кораблей, что было позже заимствовано Россией: «“Крестной матерью” нового судна стала... Валентина Матвиенко. По традиции “крестная мать” является одним из главных действующих лиц церемонии именнаяречения» (Ведомости, 2017.06). (2) В ряде контекстов наблюдаем расширение значения ФЕ по аналогии с *крестным отцом мафии*: «Под Неаполем арестовали крестную мать мафиозного клана» (Lenta.ru, 2012.06). (3) Также аналогично одному из значений ФЕ *крестный отец* актуализируется значение ‘покровительница’: «Организаторы Римского кинофестиваля наградят Софи Лорен, “крестную мать” этого мероприятия, своим почетным призом за вклад в кино» (Lenta.ru, 2007.10).

В газетном корпусе находим примеры стандартного употребления ФЕ *мать честная!* («Мать честная, да что же это делается» (Коммерсант, 2012.08)), а также его обыгрывание за счет сочетания буквализации и возможности прочтения как омографа («Мать честная: дети и роли Анджелины Джоли. Звезда Голливуда не забывает о благотворительности» (Известия, 2020.06)).

ФЕ *по матушке*, то есть ‘матерно, нецензурно’, этимологически связана с *матерью* (*матерная* брань — ругательство по матери), но во фразеологическом значении никакого указания на родство не содержит («вылезают три афроамериканца и оскорбляют вас по матушке» (Vesti.ru, 2007.04)), что касается и расширенного компонентного состава («чуть мягче, чем по матушке» (Lenta.ru, 2013.03); «послала... по испанской матушке» (Аргументы и факты, 2001.10)).

В традиционном фольклорном образе *мать-сыра земля* сохраняются «следы древнейших мифологических связей и представлений о земле как женском производящем начале» [13]. В медиатекстах такое обозначение земли встречается как с целью поэтизации речи («Мать — сыра земля, родимая, от тебя берем, тебе отдаем» (Аргументы и факты, 2002.02)), так и без нее («Сотовый телефон, который медленно поглощает мать сыра земля» (Коммерсант, 2011.11)).

В основе образа фразеологизма *впитать с молоком матери* лежит древнейшее представление «о питании как о естественном усвоении организмом человека чего-л.», библейское представление «о пище ду-

ховной и пище физической», «метафорическое уподобление духовного воспитания вскармливанию грудных младенцев молоком» [8]. Положительную коннотацию правильности, первоначальности действия вносит термин родства *матери*, хотя он и не является в структуре фразеологизма опорным: «*Кабардинский язык... можно только выпитать с молоком матери*» (Рассвет, 2020).

ФЕ *держаться за мамину юбку* содержит дериват термина родства, также выступающий зависимым компонентом фразеологизма, но именно он указывает «на несамостоятельность, инфантильность характеризуемого лица» [19, с. 350]: «*Там нужно было либо дома сидеть и держаться за мамину юбку, либо выходить в люди и менять свое мировоззрение*» (Аргументы и факты, 2003.04).

Термины прямого родства по нисходящей линии соотносительной пары *сын – дочь* также входят в состав многих устойчивых сочетаний, отмеченных в газетном корпусе, при этом преобладают ФЕ с компонентом *сын* (*блудный сын, сукин сын, маменькин сынок, сын полка, духовный сын, сын своего времени*).

Среди ФЕ с опорным компонентом *сын* наиболее частотен оборот *сукин <ты> сын*, он встречается около 200 раз: «*Президента США Барака Обаму он обозвал сукиным сыном*» (Vesti.ru, 2016.12). Характерный прием в использовании данной ФЕ – апелляция к прецедентным выражениям. Среди таких контекстов можно отметить три группы употреблений: (1) многочисленные отсылки к высказыванию, которое обычно приписывают президенту США: «*в соответствии с афоризмом Франклина Рузвельта: “Сомоса, конечно, сукин сын, но он наш сукин сын”*» (Независимая газета, 1997.08); (2) обращение к известной фразе А. С. Пушкина – как с актуализацией прецедентной ситуации («*Александр Сергеевич после завершения трагедии “Борис Годунов” “перечел её вслух, бил в ладоши и кричал: “Ай да Пушкин, ай да сукин сын!”*» (Известия, 2003.01)), так и просто построение фразы по данной модели («*Ай да Козель, ай да сукин сын!*» (Известия, 2003.12)); (3) отсылка к фильму Л. А. Филатова «*Сукины дети*» и связанной с ним прецедентной ситуации протеста («*В какой момент произошло превращение в такого сукиного сына Андрея Звягинцева, в данном случае использую терминологию Филатова и вообще термина “сукины дети”, в режиссера?»* (Коммерсант, 2012.07)).

ФЕ *блудный сын* (170 употреблений) имеет библейское происхождение; языковые единицы такой этимологии «придают контексту образность, метафоричность, насыщенность, выполняют оценочно-экспрессивную функцию» [3, с. 17]. Прецедентный библейский сюжет актуализируется во многих контекстах: «*по главе Евангелия от Луки, из которой взят сюжет о блудном сыне*» (Ведомости, 2019.05).

В историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» зафиксированы два значения ФЕ, каждое из которых находит отражение в газетных текстах: 1) 'о том, кто покинул свой дом, а затем вернулся' («*все это время блудный сын нечасто звонил родителям*» (Vesti.ru, 2013.11)); 2) 'о том, кто раскаялся в чем-л. после постигших его неудач' [2, с. 682] («*Блудного сына зал встретил овацией. Однако Сергей Владиленич не спешил каяться*» (Аргументы и факты, 1999.06)). Толкование же из Малого академического словаря ('о человеке, покинувшем какое-л. содружество,

коллектив, привычные занятия и т.д. в поисках новых, иных занятий, новой среды и т.п., а впоследствии вернувшись к прежнему' [13]) соответствует пониманию оборота, встречающемуся в медиаречи наиболее часто («*выход Аршавина (все чаще его называют в Петербурге блудным сыном) на поле*» (Коммерсант, 2013.07)).

Ключевой момент притчи о блудном сыне — его возвращение к отцу — стал символическим образом, запечатленным во многих произведениях искусства. Этот сюжет отражен в варианте ФЕ *блудный сын* — *возвращение блудного сына*. В медиатекстах многократно отмечены случаи апелляции к одноименной картине Рембрандта («*повесили картину Рембрандта "Возвращение блудного сына"*» (Коммерсант, 2020.10)), в том числе с использованием ее усеченного названия («*влюбленный в творчество автора "Блудного сына"*» (Известия, 2018.03)). Символическое расположение героев на картине можно рассматривать как пример «культурной идиомы» [11, с. 7] (к примеру, оно было использовано А. Тарковским в финале «Соляриса»), находящей отражение в медиаречи: «*Я сам в позе блудного сына. Это мой отец...*» (Vesti.ru, 2011.03).

Характерный способ использования ФЕ *блудный сын* в медиаречи — «замещение субстантива языковыми единицами из социальной, политической, экономической или культурной сфер» [3, с. 14]: «*блудный турецкий союзник*» (Коммерсант, 2020.12); «*блудный Михо Саакашвили*» (Lenta.ru, 2020.11); «*возвращение блудного олигарха*» (Известия, 2017.05) и т.п. Этот же прием находим в названии мультфильма «Возвращение блудного попугая», многократно упоминаемого в текстах СМИ.

Кроме того, авторы газетных текстов используют игру слов, основанную на сходстве фонетического облика лексем («*Возмущение блудного сына*» (Коммерсант, 2006.12)) и оксюморонной сочетаемости компонентов высказывания («*блудный сын отец Владимир появился в новом качестве*» (Известия, 1997.10)).

Частотный в медиаречи фразеологизм *маменькин сынок* (более 100 вхождений) обязан своим появлением комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» [12]: «*Имя маменькиного сынка Митрофанушки (Митрофан — по-гречески "проявление матери") стало нарицательным*» (Парламентская газета, 2019.10). В форме множественного числа выражение встречается при упоминании фильма Ф. Феллини («*неувядающая классика — картина "Маменькины сынки" Федерико Феллини*» (Lenta.ru, 2001.02)); такая форма позволяет указать на масштаб явления, подчеркнуть его массовость.

Фразеологический оборот *сын полка* этимологически связан с повестью В. Катаева, и в некоторых контекстах содержится указание на первоисточник: «*отказались выдать в библиотеке "Сына полка" Валентина Катаева, промаркированного "16+"*» (Парламентская газета, 2021.05). В медиатекстах находим примеры, в которых актуализируется значение, отмеченное в словарях, — «мальчик-подросток, обычно потерявший родителей, во время войны взятый в действующую часть» [17, с. 632] («*Мы отчаянно завидовали ребятам, пришедшим в наш детский дом с фронта, — сынам полка, носившим на груди медали*» (Аргументы и факты, 2007.09)). Но активнее ФЕ используется в новом, современном значении, не связанном с событиями войны, — «воспитание в среде военных»: «*жил в детском доме, пока его не взяли на воспитание в Тульское артиллерийское училище.*

С тех пор он – сын полка» (Vesti.ru, 2003.07). Более того, газетный корпус показывает, что решение о таком воспитании принимается на государственном уровне: «“Трудных” подростков будут посвящать в “сыны полка”... министр обороны России Сергей Иванов подписал указ о возрождении в российской армии института “сынов полка”» (Lenta.ru, 2006.10). Данная ФЕ используется также в более широком значении – для обозначения среды, которая воспитала кого-либо («Он был сыном актерского полка» (Известия, 1997.11)); в одном из контекстов можно предположить контаминацию ФЕ с сочетанием в нашем полку прибыло («21 ребенок родился в прошлом театральном сезоне: 12 дочерей и 9 сыновей полка» (Известия, 2016.09)). В последних двух примерах наблюдаем также расширение компонентного состава ФЕ, встречающееся и в других контекстах.

ФЕ *духовный сын*, как и *духовный отец*, относится к сфере некровного родства: «отец Иоанн обращался... с просьбой о свидании со своим духовным сыном» (Vesti.ru, 2003.10). Чаще значение ФЕ расширяется до обозначения наследника в какой-либо сфере деятельности, например политики («М. Каддафи действительно считает себя духовным сыном Насера» (Аргументы и факты, 1989.09)) или кинематографа («Его объявили духовным сыном Кокто и Годара» (Коммерсант, 2002.02)).

ФЕ литературного происхождения *сын [сыновья] лейтенанта Шмидта* ‘о мошенниках, выдающих себя не за тех, кто они есть на самом деле’ [2, с. 682] встречается в газетном корпусе при апелляции к источнику («В “Золотом теленке” Ильфа и Петрова несколько жуликов – сынов лейтенанта Шмидта – собираются на Сухаревской площади» (Аргументы и факты, 2005.09)), а также без его упоминания («Вряд ли... аферист Евстафьев представлялся сыном лейтенанта Шмидта» (Аргументы и факты, 2005.08)), в том числе и с конкретизацией семантики за счет расширения компонентного состава («Нигерийский сын лейтенанта Шмидта хотел надуть Вологодскую область» (Lenta.ru, 2001.05)).

Рольевые отношения через поколение представлены лексемами *дед / дедушка – бабушка, внук – внучка*; в медиатекстах отмечены только примеры употребления ФЕ, образованных от компонентов первой оппозиции; ФЕ с компонентами *внук, внучка* узко представлены в русской фразеологии в целом и отсутствуют в медиатекстах. Необходимо отметить, что в ряде устойчивых сочетаний с компонентами *дед, бабушка* актуализируются семы, указывающие не на родство, а на возраст (*дед = старик*) и сферу «деятельности» (*бабка = гадалка*).

Сверхчастотное устойчивое сочетание *дед Мороз* встречается в газетных текстах свыше 5600 раз. Оно употребляется для обозначения сказочного персонажа («картинки на аватарки, изображающие Деда Мороза и другие традиционные новогодние символы» (Парламентская газета, 2021.12)), реального лица, работающего дедом Морозом («Калужский Дед Мороз рассказал о пожеланиях взрослых на Новый год» (Известия, 2020.12)), в названии предприятий, связанных со сферой новогоднего праздника («гендиректор АО “Дед Мороз” – туристического предприятия» (Lenta.ru, 2020.12)), а также в качестве наименования различных акций и программ («Акция “Полицейский Дед Мороз”» (Vesti.ru, 2020.12); «Безопасный Дед Мороз» – об аниматоре со справкой на антитела (Коммерсант, 2020.12)); «клоунский номер “Письмо к Деду Морозу”» (Vesti.ru, 2020.12); «акция “Читающий Дед Мороз”» (Vesti.ru, 2020.11)).

Выражение *дед Мазай* ассоциируется в сознании носителей языка с произведением Н. А. Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы», на что указывается по многих контекстах: «*Мало и зайцев-русачков, которых Некрасов воспел в стихотворении про деда Мазая*» (Vesti.ru, 2013.04). Данное сочетание фиксируется во фразеологических словарях как устойчивое («о человеке, гуманно относящемся к животным» [2, с. 178]) и в таком значении бытует в медиаречи, в том числе как апеллиатив, что свидетельствует о его абстрагировании от героя: «*снующие на уровне чердаков деды мазай из МЧС*» (Коммерсант, 2002.07); при этом семантика оборота может расширяться до «спасателя»: «*дед Мазай, в лице строителей, спасает... подъемный кран*» (Vesti.ru, 2010.03).

Еще один фразеологический оборот литературного происхождения *на деревню дедушке* «неизвестно куда, наобум» [2, с. 188] встречается в газетном корпусе как в названном значении («*вид мошенничества – это предложение школьникам послать “на деревню дедушке” какие-то деньги непонятно кому*» (Vesti.ru, 2009.05)), так и с элементом переосмысления, буквализации («*На деревню дедушке больше не носят письма. Жители нескольких сел Ивановской области оказались фактически в информационной блокаде. Там закрыли почтовые отделения*» (Vesti.ru, 2004.08)). Но чаще наблюдается актуализация прецедентного текста за счет упоминания автора и героя рассказа («*Чеховский Ванька Жуков писал на деревню дедушке*» (Общая газета, 1998.12)) или приведения цитаты из текста («*кому угодно напишешь, а не только на деревню дедушке, любезному Константину Макаровичу*» (Известия, 2003.03)).

ФЕ *бабушка надвое сказала*, связанный с ритуалом гадания и представляющий собой усеченный вариант пословицы *бабушка гадала, да надвое сказала* [2, с. 38], встречается в медиаречи как в узусной форме («*будет ли эта монархия конституционной, еще бабушка надвое сказала*» (Коммерсант, 2020.10)), так и в преобразованной («*вынуждены переводить фразу о “бабушке”, что “надвое сказала”*» (Vesti.ru, 2015.12)).

К этому же ритуалу гадания восходит ФЕ *к бабке не ходи*, употребляющаяся в медиатекстах в узусном значении: «*“К бабке не ходи” – следующий год будет сложным*» (NEWSru.com, 2008.11). Отмечен пример формального преобразования сочетания: «*появится он как раз после истечения тех самых двадцати дней – к бабке не ходить*» (Парламентская газета, 2016.02).

К группе ФЕ с компонентами — терминами прямого кровного родства относятся и устойчивые сочетания, включающие парные обозначения родства: *отцы и дети, отцы и деды, деды и прадеды*.

ФЕ *отцы и дети* происходит от названия романа И. С. Тургенева; во многих контекстах упоминается само произведение («*Помните Павла Петровича в “Отцах и детях”?*» (Коммерсант, 2020.07)) или же его экранизации и спектакли по роману («*“Судьба барабаничника”, “Отцы и дети” и другие*» (Парламентская газета, 2021.02)). Во фразеологическом значении оборота содержится указание на конфликт старшего и младшего поколений: «*сериал о конфликте отцов и детей*» (Ведомости, 2021.12). В медиатекстах находим примеры расширения значения — обозначение двух поколений без акцента на конфликтной ситуации («*В роли “отцов и детей” в Риме выступают Андрей и Авдотья Смирновы*» (Vesti.ru, 2006.12)) и буквализацию значения («*предложение о создании в стране системы кризисных центров для отцов и детей*» (Парламентская газета, 2020.05)).

Устойчивое сочетание *отцы и деды* фиксируется в Малом академическом словаре как синоним ФЕ *деды и прадеды* 'предки' [13]: «сохранить все, что завоевано нашими отцами и дедами за тысячелетия» (Парламентская газета, 2020.09). Значение выражения приближается к буквальному во многих контекстах, где речь идет о Великой Отечественной войне, в таком случае актуализируется сема прямого родства: «мы можем передать своим уже внукам реликвии Победы и фронтовые письма наших отцов и дедов» (Гжатский вестник, 2019). Формальное преобразование сочетания наблюдаем при его использовании в форме единственного числа: «Засурский... считается... отцом и дедом для целых поколений советских и российских журналистов» (Ведомости, 2021.08).

Синонимичное сочетание *деды и прадеды* в значении 'предки' употребляется редко: «желание обитателей консервативного американского Юга жить так, как завещали им деды и прадеды» (Известия, 2015.09). Так же, как и в случае с ФЕ *отцы и деды*, отмечаем примеры буквализации значения и указания на родственные отношения в контекстах, связанных с военным прошлым («это наши родственники, члены наших семей, деды и прадеды, большинства из которых уже нет в живых» (Парламентская газета, 2021.05)); такая семантика выражения сохраняется и при расширении компонентного состава («пришло несколько сотен писем от людей, чьи деды и прадеды, бабушки и прабабушки пережили те годы» (РИА Новости, 2020.06)).

В качестве специфического приема использования ФЕ *отцы и деды* и *деды и прадеды* можно отметить их контаминацию, примеров которой находим в газетных текстах множество: «Отцы, деды и прадеды наши жили с ощущением, что за всех нас... молится один папа» (Коммерсант, 2020.09).

Выводы

В современной медиаречи раскрывается семантический потенциал фразеологических единиц с компонентами — родственными наименованиями, актуализируются как основные, узусные значения, так и периферийные, кроме того, отмечены случаи расширения фразеологического значения. Медиатексты позволяют эксплицировать культурные смыслы, заложенные во фразеологизмах с терминами родства, и передавать индивидуальное понимание устойчивых сочетаний носителями языка.

Сопоставив словарные дефиниции и фразеопотребления в медиатекстах, мы выделили основные типы связи значений компонентов — терминов прямого родства с целостным фразеологическим значением:

1) сохранение семантики термина родства и его отражение в общем значении ФЕ: *отец семейства, воскресный папа*;

2) развитие смыслов многозначных терминов родства, не связанных с прямым кровным родством, то есть обусловленность фразеологического значения переносным значением компонента — термина родства:

— *отец* 'родоначальник ч.-л., основоположник ч.-л.' [13] — *крестный отец* 'основатель, создатель'; *отец* 'предшествующее поколение, предки' [13] — *отцы и деды, отцы и дети*;

— *сын* 'лицо мужского пола по отношению к своему духовнику или лицу духовного звания' [13] — *духовный сын*;

3) приращение смысла ФЕ:

– *крестный отец* и *крестная мать* ‘глава мафии’, *крестный отец* в значении ‘идеолог’;

– *сын полка* – для обозначения воспитания в среде военных; для широкого обозначения среды, которая воспитала кого-л.;

– *дед Мазай* – ‘спасатель’;

4) развитие фразеологического значения, не связанного с терминологией родства: *в чем мать родила*, *показать кузькину мать*, *к чертовой матери*, *блудный сын*, *впитать с молоком матери*, *держаться за мамину юбку*, *на деревню дедушке*, *бабушка надвое сказала*, *к бабке не ходи*.

В газетном корпусе более частотны ФЕ с компонентами – терминами прямого родства по мужской линии, чем по женской; они позволяют обнаружить многообразие семантики, заложенной в номинации лиц мужского пола, раскрывают потенциал смысловой трансформации ФЕ с наименованием родства, а также косвенно свидетельствуют об отношении русского социума к положению мужчин в семье, их приоритетной роли.

Анализ употребления ФЕ с родственными наименованиями позволяет сделать ряд частных выводов.

Большая часть ФЕ с компонентом *отец* относится к сфере духовного родства; активно употребляются ФЕ, отражающие прямое значение кровного родства (*отец семейства*, *воскресный папа*). Значение компонента *мать* во многих ФЕ прослеживается только на этимологическом уровне, не отражаясь на целостном значении оборота.

ФЕ *крестный отец* и *крестная мать*, содержащие термины родства одной соотносительной пары, в медиатекстах развивают два аналогичных значения: (1) ‘глава мафии’; (2) ‘покровитель / покровительница’.

Наличие грубо-просторечных фразеологизмов с компонентом *мать* (*по матери*, *по матушке*, *твою мать*, *к чертовой матери*) и отсутствие аналогичных конструкций с компонентом *отец* могут быть рассмотрены как проявление гендерных стереотипов.

Из компонентов оппозиции *сын* – *дочь* более активны ФЕ с компонентом *сын*.

Примеры контекстного употребления ФЕ *сын полка* свидетельствуют о новых российских условиях бытования денотата.

Исследование особенностей употребления устойчивых сочетаний с компонентами – родственными наименованиями свидетельствует об их актуальности в речи современных носителей русского языка, значимости в языковой картине мира, богатом потенциале трансформации в конкретной речевой ситуации, развитии новых фразеологических значений, что в целом позволяет расширить представления о механизмах оперирования языковым значением.

Список литературы и источников

1. Беспалова Е. А. Фразеологизмы мифологического происхождения с компонентом – прецедентным именем: особенности строения и употребления (на примере газетных текстов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. №69. С. 29–46. doi: 10.17223/19986645/69/2.

2. Бирюх А. К., Мокшенин В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. М., 2005.
3. Богданович Г. Ю., Нахимов Е. А., Сегал Н. А. Библиейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма // Язык и культура. 2019. №47. С. 8–20. doi: 10.17223/19996195/47/1.
4. Бхатти Н. В., Харитонов Е. Ю. Сравнительно-типологический анализ терминов родства в индоевропейских языках (на примере английского, немецкого, русского и урду) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. №2. С. 29–38. doi: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2830>.
5. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html> (дата обращения: 17.02.2023).
6. Громова Н. В. Презентация терминов кровного родства с некодифицированным значением в тезаурусах английской субстандартной лексики // Филологические науки в МГИМО. 2019. №1 (17). С. 13–18. doi: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-13-18.
7. Гусева А. Е., Левченко М. Н., Шимко Е. А. Лексико-семантическая репрезентация лингвокультурного концепта «Семейные отношения» в немецкой и русской языковой картине мира в аспекте этнолингвистики : монография. М., 2022.
8. Ковшиова М. Л. Впитать с молоком матери // Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. Е. Н. Телия. 2006. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/380/ (дата обращения: 17.02.2023).
9. Корина Н. Б. Родственные наименования в славянской фразеологии // Вестник славянских культур. 2015. №4 (38). С. 128–138.
10. Листова Т. А. Крестные отец и мать, кум и кума // Энциклопедия «Русская цивилизация». URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/russian_history/10483/ (дата обращения: 17.02.2023).
11. Локшин Б. «Жертвоприношение», или как проснуться от кошмара // Искусство кино. 2022. №9/10. С. 5–14.
12. Маменькин сынок // Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/1437/ (дата обращения: 17.02.2023).
13. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/14/ma235403.htm> (дата обращения: 17.02.2023).
14. Петров А. В., Лаук Н. Г. Семантика предложений тождества (на материале тематической группы «Родственные отношения») // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8, №1. С. 139–148.
15. Сергеев В. Н. Из биографии Кузьки // Русская речь. 1973. №4. С. 153–154.
16. Текатаева Л. М., Шахмирова С. В., Абдулаева Р. Н., Алиев З. Г. Отражение терминов родства в лезгинских фразеологических единицах // Глобальный научный потенциал. 2022. №9 (138). С. 115–119.
17. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. М., 2001.
18. Шимко Е. А. Этнолингвистическая репрезентация терминов прямого кровного родства по мужской восходящей линии во фразеосистемах немецкого и русского языков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №8. С. 300–306.

19. Шимко Е. А. Этнолингвистическая составляющая идиом с ключевыми лексемами «die Mutter» и «мать» в рамках сопоставительного аспекта // Мир науки, культуры, образования. 2015. №3 (52). С. 348–354.

20. Shkurko V. Ju., Mardieva L. A., Shchuklina T. Yu., Chudinov A. P. Poster Images in a New Linguistic and Extralinguistic Context // Amazonia Investiga. Florencia, Colombia. 2018. Vol. 7, №12. P. 320–324.

Об авторе

Екатерина Анатольевна Беспалова — канд. филол. наук, доц., Юго-Западный государственный университет, Россия.

E-mail: kbespalova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7218-0635>

E. A. Bespalova

SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS FEATURING DIRECT KINSHIP TERMS IN MODERN MEDIA TEXTS

Southwest State University, Kursk, Russia

Received 18 February 2023

Accepted 10 July 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2024-2-2

To cite this article: Bespalova E. A. 2024, Semantics of phraseological units featuring direct kinship terms in modern media texts, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 18–32. doi: 10.5922/pikbfu-2024-2-2.

This article analyses how media texts utilise phraseological units featuring family relationship vocabulary, aiming to identify the relationship between the semantics of kinship terms and the overall phraseological meaning while describing possible semantic shifts in the understanding of these phraseological units by modern Russian native speakers. Empirically, the study draws on the newspaper corpus of the National Corpus of the Russian Language. A broad understanding of phraseology is adopted, encompassing phraseological expressions and fixed naming units. Continuous sampling methods were employed, along with observation, lexicographic, lexico-semantic and contextual analysis, systematisation and classification of linguistic material.

The analysis demonstrates that contemporary media language unveils the semantic richness of phraseological units containing kinship terms, elucidates the cultural connotations embedded within them and highlights usage trends, including individual variations in how native speakers interpret such expressions. A comparison of dictionary definitions and usage contexts made it possible to identify four types of connections between the meaning of a family relationship term and the idiomatic meaning of a phraseological unit: the preservation of the semantics of consanguinity in the meaning of the phraseological unit; the dependence of phraseological semantics on the figurative meaning of the kinship component; the augmentation of the mean-

ing of the fixed expression; the development of a figurative phraseological meaning that does not directly reflect kinship semantics. It is demonstrated that media texts favour phraseological units that express direct kinship through patrilineal units.

Keywords: phraseological unit, kinship terms, phraseological meaning, semantics, media text

The author

Dr Ekaterina A. Bespalova, Associate Professor, Southwest State University, Russia.

E-mail: kbespalova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7218-0635>